

ВЫСТАВКА ОСТ В МОСКВЕ

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Среди московских художественных группировок последних четырех лет очень заметное место занимает ОСТ — Общество Станковистов. Основанное в 1924 г. в целях утверждения права художника на станковую живопись, права, непонятным образом подвергавшегося в некоторых кругах в первые годы революции сомнению, общество пустило прочные корни в художественной жизни Москвы. Каждая из его выставок — а нынешняя, уже четвертая по счету — давала нечто новое по сравнению с предыдущей, свидетельствуя о его здоровой эволюции. Последняя далеко еще не завершена, и никак нельзя предвидеть, какие неожиданности готовят нам следующая выставка, но общая линия этой эволюции обозначилась уже сейчас.

Первая выставка ОСТа открылась в те дни, когда в европейском искусстве уже завершился начавшийся в 1920 г. значительный поворот от кубизма, экспрессионизма и футуризма в сторону нового реализма, от искусства отвлеченного — к искусству жизненному. Крайняя левая тогдашнего художественного мира Москвы, к тому времени уже значительно поправившая, раскололась на три группы — на чистых живописцев — реалистов, тянувших к «Бубновому Валету», на живописцев-стилистов и графиков, основавших новое общество «Четыре искусства», и на художников, которых можно было бы назвать «постэкспрессионистами». Они-то, во главе с Штернбергом, и образовали основное ядро ОСТа.

Первые две выставки были еще отмечены некоторым экспрессионистским привкусом, на дальнейших — обозначились чисто живописные тенденции, сочетающие временами с культом монументальности. Наиболее ярко обозначалось стремление к живописности на нынешней выставке. Правда, живописцы ОСТа несколько особого толка и живопись их не имеет ничего общего с той, которая культивируется на ОМХе. Если в этом Обществе чувствуется известное тяготение к французской художественной культуре, то живопись оставцов в значительной части обнаруживает влияние немецкой культуры. Этот немецкий дух не легко определим, но он несомненен. Больше всего он сказывается в некотором отсутствии вкуса, редко изменяющего французам и мало свойственного немцам, в известной тяжеловесности и неуклюжести.

От немецкого экспрессионизма у оставцев удержалось, в качестве своего рода атавизма, некое стремление к «экспрессивности», — выразительности, достигаемой при помощи нарочито заостряемых приемов. Настоящий оставец не признает картины, в которой нет остроты. «Как остро!» — лучшая похвала в его устах. Художественная кухня без ир理ных приправ, без перца ему не по вкусу.

Как и все другие общества, ОСТ не представляет собою группы абсолютно однородной. И в ОСТе есть несколько течений и оттенков, и есть даже такие, вовсе вышедшие из общей установки фигуры, как Куприянов или Вайнер. Даже среди оставцев, идеологически более близких, есть немало расхождений и прямых противоположностей. Сам

Штернберг, основатель и душа ОСТа, стоит несколько особняком на выставке, в стороне от своих товарищей и прямых учеников.

Должен сознаться, что я никогда не был поклонником его «лабораторных» натюрмортов, построенных на комбинациях разнородных живописно-технических фактур. Мне всегда казалось, что эти фактурные искания слишком отдают приемами гаурдного малярного ремесла, на манер немудреной

разделки панели «под дуб», или «под мрамор». Правда, в ту пору еще не совсем было изжито увлечение техникой малярных работ и кустарных подносов, характерное для предшествующего десятилетия и отразившееся на живописи Бубнового Валета, но упрощенные приемы маляров и кустарей, столь освежившие живопись русского постимпрессионизма, мало способствовали украшению продукции нашего постэкспрессионизма и быстро сошли на нет, как вообще сошло на нет это курьезное тяготение к примитивной технике, сильно слабрениной острой проправой «обратной перспективы» и тому подобным трюкачам, расчитанным на усиление плоскостного впечатления. Все это было слишком от головы и мало от сердца, а где чувство на поводу у рассудка, там мало искусства. Но Штернберг упорно работал, и каждая новая выставка приносил с собой новые преодоления. Его последний большой холст «Работа» показывает совершенно новое лицо Штернберга: обозначившееся уже на выставке Совнаркомовских заказов, оно только теперь окончательно выяснилось. Это — серьезно продуманная и удачно построенная композиция, выдержанная в монументальных формах и удачно разрешенная в условной, но хорошо слаженной и гармоничной расцветке. Это —

лучшее, что Штернберг написал до сих пор.

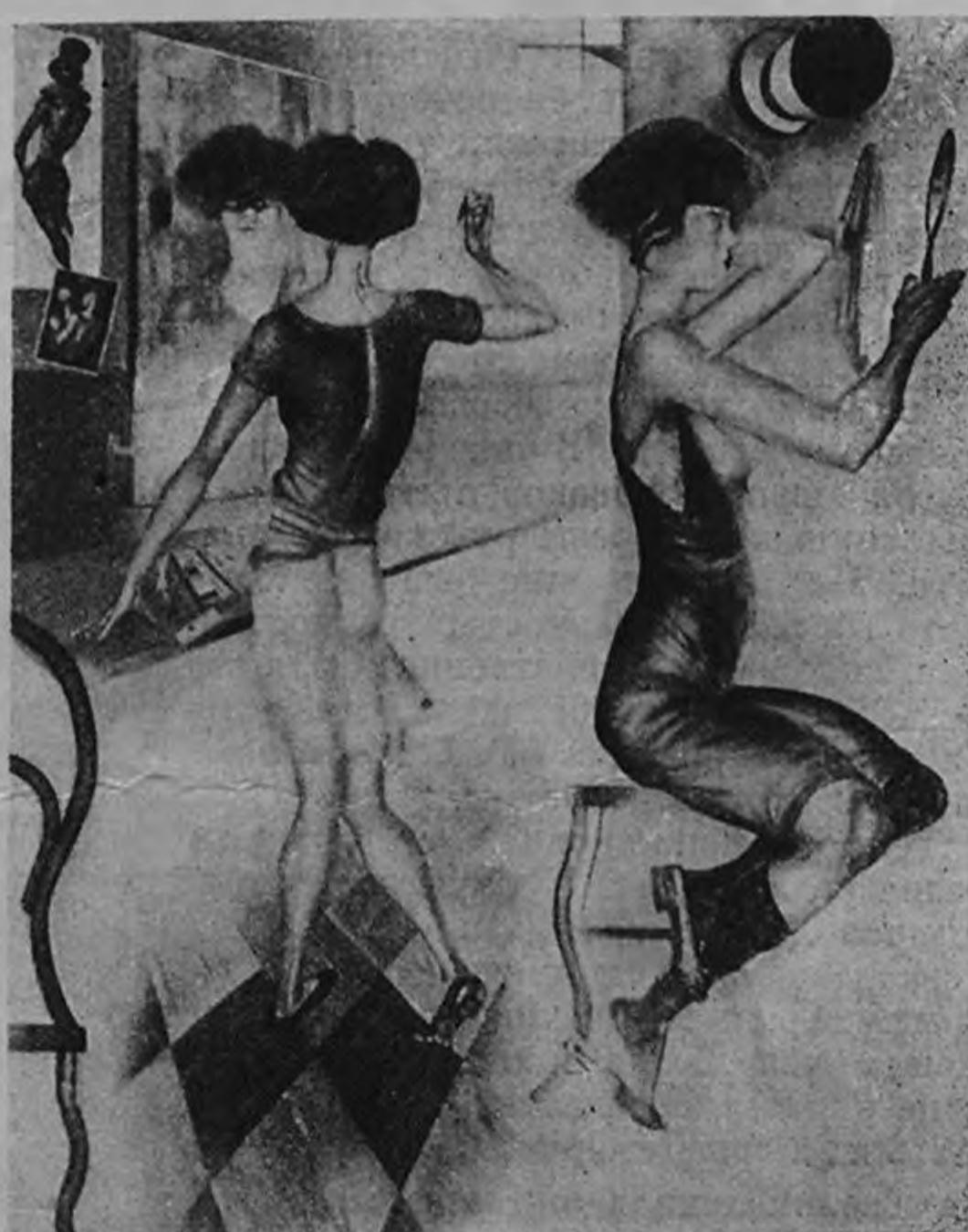
Любопытны и его гравюры-цинки из цикла «Москва старая и новая»: «Человек с медведем», «Нищие», «Извоцник». Очень занятны и красивы также иллюстрации к детской книжке Гурьяна «Негритянские ребята».

Ближайший последователь Штернберга, Вильямс, в этом году заметно и к собственной выгоде ушел от него в сторону

Вильямс

Автопортрет

Пятнов

«Актрисы с зеркалами»

Гончаров

«Убийство Марата»

определенного живописных исканий, дав в «Купалье» свое собственное решение задачи.

Очень даровитому Гончарову хотелось бы от души пожелать упорнее и систематичнее поработать над рисунком и вообще формой: отличный выдумщик и сочинитель, он

дешевит свои счастливые инсценции формальным космозыческим и пристрастием к пряности. И все же его композиция «Смерть Марата» действует на зрителя впечатляюще, не взирая на хаотичность и какую-то божемность оформления.

Из других представителей оставской молодежи больше всех выделяется Лабас, упрямый урбанист, отворачивающийся от сельской природы и целиком ушедший в городскую суету да в жизнь пилотов. «Мертвая петля», «Качка на аэро-плане», «В кабине» — вот названия его последних картин, столь не похожие на привычный, однообразный словарь выставочных каталогов. И самые вещи Лабаса не похожи на примелькавшиеся сюжеты наших выставок. Свой полиграфический вначале стиль он, подобно другим оставцам, понемногу переводит на язык живописный. Особенно удачны его акварели городского цикла.

Пименов как-то мало двигается вперед, застыв на раз найденной композиционной и красочной концепции — жестко-плакатном стиле. Зато несомненные успехи делает Денисовский, давший отличный портрет Якудова. Тышлер, выставивший на Совнаркомовской выставке несколько чудовищно безвкусных и цинически неапелевых холстов, сейчас дал серию из 8 акварелей, названную им «Лирический цикл» и изображающую голых женщин. В противоположность бледно-серой, скверной живописи Совнаркомовских картин на тему «Махновщина», эти акварели выдержаны в ярких, звучных, сочных и красивых цветах, но, к сожалению, до того бесформенны и ученически неграмотны, что, несмотря на несомненную одаренность автора, оставляют досадное впечатление каких-то непонятных и ненужных клякс.

Жертвенное место «Реком»

НОВЫЙ КУРОРТ КАВКАЗА СВЯТИЛИЩЕ «РЕКОМ»

И. Будовниц

От урочища св. Николая (по местному Цуале), что на Военно-Осетинской дороге, высеченной на склоне горы вдоль ущелья бурной реки Цейдон, 10-километровый путь ведет на запад к знаменитому Цейскому леднику. На исходе десятого километра вы наталкиваетесь на вновь выстроенный в прошлом году санаторий осетинского облздравотдела, пропускающий около 500 отдыхающих в сезон. Санаторий делает чудеса: большинство больных за 2 недели пребывания в нем прибавляют в весе на 12-15 фунтов. В этих «чудесах» обильное питание, которое получают отдыхающие, играет куда меньшую роль, чем удивительно чистый, «вкусный» воздух, напоенный запахом соснового бора и ультра-фиолетовыми лучами. На целебное значение окрестностей Цейского ледника, где можно было бы устроить лучшую в Союзе и одну из лучших в мире горно-климатическую станцию, обратили внимание наши ученые бальнеологи еще в прошлом столетии. Они обивали пороги царских министров и наместника царя на Кавказе, составляли обстоятельнейшие докладные записки, хлопотали и добивались хотя бы устройства дороги к оторванному от внешнего мира чудодейственному леднику. Но министры и наместник были заняты совсем другими делами, и то, что им оказалось не по плечу, выполнил скромный осетинский техник Карцев на скучные средства здравотдела маленькой автономной области... Этот техник Карцев, как о том возвещает высеченная на огромной скале по дороге в Цей надпись, построил санаторий и выбил в горах дорогу.

Но Цей привлекает к себе не только больных и усталых. Этот ледник служит еще местом паломничества для сотен туристов, которых привлекают здесь величественные виды природы, необычайно яркие панорамы и памятники седой старины.

Самым замечательным памятником является, несомненно, священный «Реком», расположенный на открытой поляне по дороге между санаторием и ледником. Это — небольшое, глухо заколоченное сооружение из тиссового дерева, которое на северном склоне Кавказского хребта нигде больше не встречается. Больше 800 лет тому назад люди принесли это дерево из южного склона сюда, к леднику, и соорудили в честь покровителя охотников Уастырджи (св. Георгия) жертвенное место «Реком».

Счастливые в добыче охотники не забывали своего высокого покровителя и приносили ему в дар бараны и олени рога, черепа и кости. Еще и сейчас, когда вера в хороший винчестер уже куда сильнее, чем вера в силы Уастырджи, вы можете видеть массу сложенных у «Рекома» полууставших рогов и костей. В промежутке между ними валяются чаши, маленькие иконы, кресты, стрелы и другие мелкие предметы, которые почитатели святыни нанесли в изобилии и с насыщенным Георгию. Но сюда приходили не только удачливые охотники. Истощенные кровопролитной борьбой, отдельные осетинские племена и роды стекались к священной поляне, складывали здесь перед «Рекомом» свои смертоносные стрелы и именем святого Георгия клялись друг перед другом забыть родовую вражду и прекратить дальнейшее изнурительное кровопролитие.

Маленькая призрачная постройка, покривевшая от времени и открытая со всех сторон солнцу и ветру, зияет множеством щелей. Если вы заглянете в одну из этих щелей, то увидите внутри все те же неизменные рога, черепа и кости. А в промежутке между ними побле кивают мелкие серебряные монетки, оттеняющие тусклыми медяками. Среди монет есть и несколько советских, с серпом и молотом, но я их насчитал всего на 37 копеек. Бедный святой Георгий живет теперь на скучном пайке...

Этот замечательный памятник старины разрушается не только от времени, солнца и ветра. Самый большой урон наносят этому замечательному памятнику старины вандалы наших дней — туристы и экскурсанты. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения так беден, что не имеет средств даже для того, чтобы нанять для «Рекома» сторожа. Этим пользуются экскурсанты, которые растаскивают никем не охраняемые реликвии святыни и берут себе «на память» стрелы и другие предметы. Институт неоднократно возбуждал ходатайства, чтобы принял меры для защиты и сохранения старинного святыни от не в меру любознательных «коллекционеров». Эти ходатайства увенчались, изконец, успехом. В самом ближайшем будущем, как только станет загромождающий горные тропы снег, на «Реком» отправится научная экспедиция из видных археологов и краеведов, которые оборудуют на месте «Рекома» краеведческий музей.

Дары святого Георгия будут записаны в инвентарную книгу, к каждому из них будет прикреплен ярлычок с именем, и священное место «Реком» откроет пытливым ученым свои старые-старые тайны...

ОТ РЕДАКЦИИ:
непринятые рукописи не возвращаются
АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Ленинград, 2, Фонтанка, 57

«На Волге»
(у Нижнего Ногород)

Художник
Б. М. Кустодиев
(из неизданных рисунков)

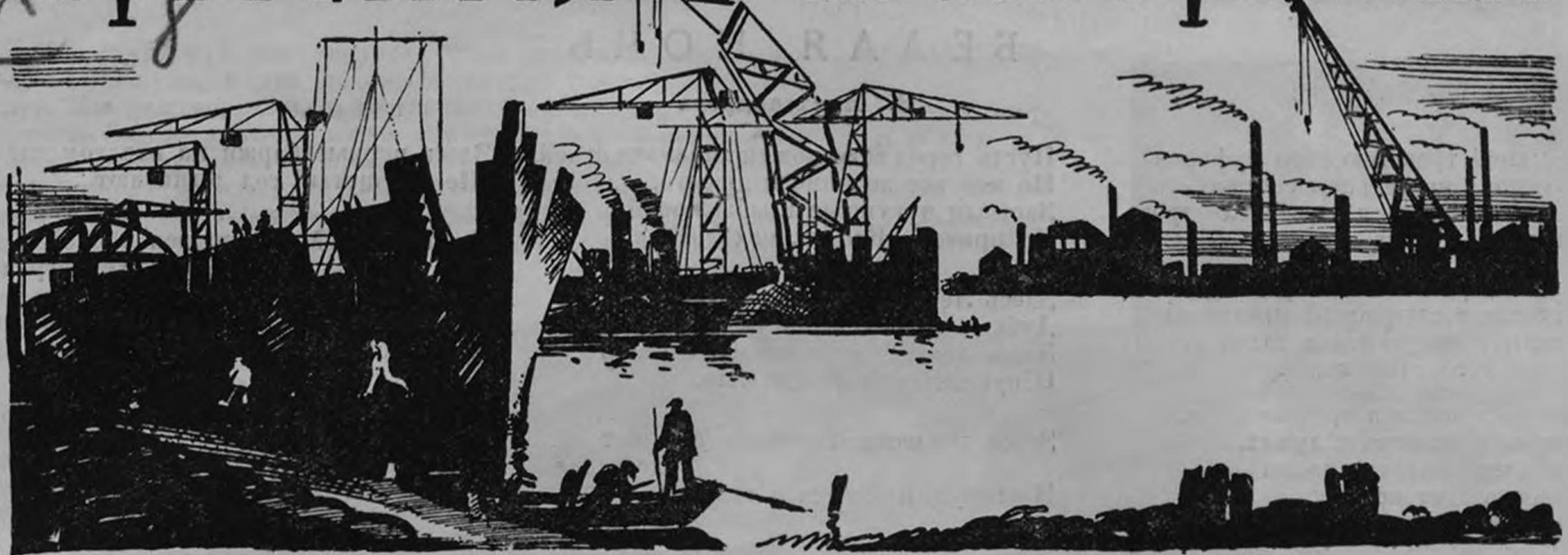
КРАСНАЯ ПЛАНТАЦИЯ

№ 25

Цена 10 коп.

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

БЕЛЫЕ НОЧИ В ЛЕНИНГРАДЕ

На Мойке, у здания быв. Конюшеннего ведомства

Рис. художника М. П. Бобышева